

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КИТАЙСКОЙ МОДЕЛИ МОДЕРНИЗАЦИИ

Абдурашид Абдулхаев

доктор философии по политическим наукам (PhD)

Независимый исследователь ТГУВ

Аннотация: В статье комплексно анализируются теоретические основы модели модернизации Китайской Народной Республики и её институционально-политические особенности. Применяя сравнительный подход с использованием теории модернизации, политического реализма, нелиберального институционализма и нового институционализма, обосновывается формирование траектории «множественной модернизации» в китайском опыте. На основе эмпирических данных оцениваются институциональный поворот после 1976-1978 годов, политика «реформ и открытости», специальные экономические зоны и механизмы повышения потенциала государственного управления.

Ключевые слова: модернизация, китайская модель, политический реализм, институционализм, реформы, открытость, государственная состоятельность, легитимность.

Abstract: *The article examines the theoretical foundations of China's modernization model and its institutional and political specificity. It argues that China's trajectory is better understood as a context-dependent, multi-dimensional transformation combining incremental institutional experimentation, governance rationalization, and renewed sources of legitimacy.*

Keywords: *modernization, China model, institutionalism, reform and opening-up, state capacity.*

В современной политической науке теория модернизации является одной из основных парадигм, сформировавшихся во второй половине XX века. Её центральный тезис заключается в том, что в процессе перехода от традиционного общества к современному экономический рост, урбанизация, расширение грамотности и развитие массовых коммуникаций взаимообусловлены дифференциацией политических институтов, универсализацией правил и институционализацией политического участия.

Однако интерпретация модернизации исключительно как «однонаправленного развития» может занижать эмпирическое разнообразие. Поэтому в последующих компаративных исследованиях утвердился подход «множественных современностей», показывающий, что траектории модернизации формируются различным образом в зависимости от цивилизационного наследия, традиций

государственности, степени внешней экономической интеграции и коалиций элит²⁶.

Китайский случай особенно важен с этой точки зрения: достигнув высокой экономической динамики и масштабной социальной трансформации, страна не отождествила политическую модернизацию полностью с западным пакетом либерально-демократических институтов. Следовательно, китайский опыт демонстрирует необходимость понимания модернизации не через призму типа режима, а с точки зрения институциональной ёмкости, эффективности управления, адаптивности правовой системы и воспроизводства ресурсов легитимности.

Политический реализм подчеркивает приоритет государств в области внешних угроз, суверенитета и баланса сил. В китайской модернизации сохранение внешней стабильности также рассматривается как фактор, «покупающий» время и ресурсы для внутренних реформ. Неолиберальный институционализм показывает, что в условиях усиления взаимозависимости международные институты и правила облегчают сотрудничество. Это применимо для объяснения политики внешней экономической открытости Китая и процесса интеграции в глобальные рынки.

В рамках нового институционализма модернизация выдвигает на первый план вопрос «как функционируют институты?»: действие правил независимо от личностей, бюрократический профессионализм, механизмы контроля исполнения политики и способность мобилизации ресурсов становятся операциональными измерениями политической модернизации. Здесь институты рассматриваются не только как правовые нормы, но и как совокупность приоритетных стимулов и практик²⁷.

Теоретико-политическое ядро китайской модернизации связано со стратегическим выбором, возникшим после завершения «культурной революции» в 1976 году. В декабре 1978 года 3-й пленум ЦК КПК 11-го созыва отказался от использования «классовой борьбы» в качестве центрального лозунга, переместил центр тяжести работы партии и государства на экономическое строительство и модернизацию и официально утвердил стратегию «реформ и открытости»²⁸.

Тезисы китайского лидера Дэн Сяопина об «освобождении сознания» и «практика – критерий истины» согласовали идеологическую определённость с прагматической политикой. Именно таким образом в рамках «социализма с китайской спецификой» была легитимирована экспансия рыночных механизмов и внешнеэкономических связей²⁹. Такой подход демонстрирует, что символические ресурсы легитимности в модернизации обеспечивают институциональные изменения не через радикальный разрыв, а через «переупорядочивание смыслов».

²⁶ Алмонд Г. Гражданская культура и стабильность демократии / Г.Алмонд, С.Верба // Полис. 1992. № 4. С. 122–134.

²⁷ Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2016.

²⁸邓小平文选 (第三卷). 北京: 人民出版社, 1993.

²⁹中共中央. 关于建国以来党的若干历史问题的决议. 北京, 1981.

В качестве институциональной лаборатории экономических реформ были организованы специальные экономические зоны (Шэньчжэнь, Чжухай, Шаньтоу, Сямэнь), в которых проводились эксперименты по управленческим регламентам, инвестиционным порядкам и практике внешней торговли³⁰. Впоследствии эффективные институты были перенесены на национальный масштаб, закрепив механизм «пошаговых реформ» и институционального экспериментализма³¹.

В эмпирическом отношении темпы экономического роста после 1978 года, диверсификация промышленной структуры, расширение экспортно-ориентированного производства и ускорение инфраструктурных проектов создают важный фон для оценки государственного потенциала и качества исполнения политики. В международных оценках особо отмечаются результаты Китая в сокращении бедности: по данным Всемирного банка, в период реформ сотни миллионов людей вышли за черту бедности³².

Организационное измерение политической модернизации в Китае было институционализировано через кадровую политику. В частности, омоложение руководящих кадров, профессионализация, ограничение сроков полномочий, система оценки, привязанная к результатам, и механизмы дисциплинарного контроля были направлены на повышение бюрократического потенциала. Здесь веберовские тезисы о рациональной бюрократии приобретают практическое измерение, и усиление функционирования административной иерархии на основе правил проявляется как важное условие модернизации³³.

В политико-правовом аспекте китайской модернизации принципы «управления посредством закона» связаны с институциональной стабильностью и борьбой с коррупцией. Укрепление институтов дисциплинарного контроля и подотчётности выполняет задачи сохранения государственной ресурсности, повышения дисциплины исполнения решений и укрепления общественного доверия. Однако эмпирический анализ в этой сфере требует различения между наличием правового порядка и его фактическим функционированием³⁴.

С точки зрения внешней политики китайская модернизация, опираясь на логику «мирная внешняя среда – условие для внутренних реформ», стремится к открытию внешних каналов ресурсов, расширению доступа к технологиям и капиталу и гармонизации с торговыми режимами. Этот тип интеграции соответствует механизмам «сотрудничества через правила», определяемым неолиберальным

³⁰邓小平文选 (第三卷). 北京: 人民出版社, 1993

³¹ 中共中央. 关于建国以来党的若干历史问题的决议. 北京, 1981.

³² World Bank. China: Overview (Poverty reduction and key development indicators). Washington, D.C.: World Bank, 2024.

³³ World Bank. China: Overview (Poverty reduction and key development indicators). Washington, D.C.: World Bank, 2024.

³⁴ Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. М.: Изд. дом ВШЭ, 2016.